

Здание находилось у реки. Возле двери виднелось странное украшение. Рядом с дверью стояла стойка, а на окнах висели жалюзи, что было необычно, поскольку в городе Алисиан было не так много солнечного света, и очень часто шел дождь. Старик читал толстую книгу. На нем были очки, его волосы казались белыми, словно снег. В двух столах от старика сидел человек с волосами цвета пепла. Его глаза мерцали краснотой, а плащ казался довольно потрепанным и рваным.

Нолан Сальваторе изучал историю мира. У него уже были подозрения на этот счет, но сейчас он окончательно пришел к выводу, что находится в альтернативной временной шкале. Фактически, он был бы и слепым, и глухим, если бы до сих пор не осознал, что это один и тот же мир. Все говорят на том же языке, что звучал в городе Оазис, хотя акцент казался более плавным и тягучим.

- Что за жестокая шутка? – с горечью пробормотал он.

Нолан подумал что, возможно, попал в новый мир. В конце концов, здесь имелись паровые машины, а эпоха могла быть сравнима по уровню развития с 1901 годом. Он не знал, в каком будущем пребывал сейчас, но было ясно, что это будущее ему неизвестно. Будущее, в котором Тьма уже была побеждена.

«Значит ли это, что Блаженная Дева на самом деле Воительница? Понятно... значит, она должна была стать кем-то другим, чтобы прожить так долго. Я помню, как Сиара боролась с Тьмой, но эта Воительница кажется слишком могущественной по сравнению с тем миром, откуда я пришел. Если бы только Сиара обладала такой силой... тогда ей не пришлось бы умереть из-за меня».

Он чувствовал себя виноватым и даже сейчас еще не простил себя за то, что позволил ей умереть. В конце концов, как бы он ни пытался смириться с этой мыслью, у него это не получалось. Каждый раз, закрывая глаза, он видел смерть Сиары. Затем следовали крики последней агонии его друзей.

Он постучал пальцами по книге, невидящим взглядом уставившись в окно, за которым сумерки укрывали этот неведомый мир. По правую руку от него лежала записная книжка, заполненная исправлениями его формулировок произнесения собственного имени. Он говорил «Лэнон» вместо «Нолан», и единственное, в чем можно было его винить, так это в том, что ему тяжело давались изменения в способе чтения и речи людей на этом языке. Если бы ему пришлось заново учить неизвестный для него язык, он бы, пожалуй, напился вусмерть, а потом разразился целой жалобной тирадой на этот счет.

Моргнула лампочка. Читавший свою книгу старик повернулся к ней, окинул ее тяжелым взглядом, а затем снова повернулся к развороту и поправил очки. Нолан продолжал практиковаться в языке, параллельно читая историю Новой Империи. На этих страницах ему еще не довелось обнаружить следов имени Блаженной Девы.

- Неужели ее имя нигде не упоминается? – пробормотал он.

Она открывала свое имя лишь тем, кому доверяла. Остальные называли ее лишь Благословенной Девой или Ее Милостью, и это уже давно стало традицией не упоминать имя девушки. Чтобы хоть как-то приблизиться к разгадке этой тайны, следовало принадлежать как минимум к очень престижному и высокородному дворянскому Дому.

«Как странно», - подумал Нолан. - «У нее должно быть просто невероятное влияние, чтобы заставить молчать о себе целую империю»

Она, должно быть, действительно желает оставаться в тени, раз предпочла, чтобы ее имя знали лишь несколько избранных. Впрочем, это не имело значения. Он мог познакомиться с нынешней Воительницей этой эпохи и спросить, зачем она все это делает. Абсолютная власть и поклонение позволяли ей держать преступников и головорезов под контролем. Но в то же время Нолан понимал, что полное избавление от преступников будет означать только то, что те, кто не знает о ее силе, займут место убитых и станут новыми, более неконтролируемыми паразитами для этого города.

«Контролируемые преступники... но в то же время существует детский труд. Им просто нет смысла действовать как жестокая организация, если есть возможность регулировать черный рынок города. Я слышал, что многие торговцы Сликера утверждали, что банды там стали действовать жестче. Их главари использовали машины как предлог для совершения преступления. Я слышал, что это единственный процветающий город».

В его глазах возникло странное выражение. Он прожил большую часть жизни, сражаясь против проявлений войны. Он сопровождал героев в битву, и все еще помнил, как стоял в одном ряду со своими товарищами, как сталкивался лицом к лицу с демонами, которые были на десятки метров выше их. Им приходилось вырезать руны на своих костях и пить зелья, которые увеличивали силы и выносливость. Отчасти именно это стало причиной тому, что Мрачные Ходоки начали считаться опасными, почему их так опасались. Он помнил, что Мрачные Ходоки были готовы расстаться со своими жизнями, не моргнув глазом. Не потому, что были храбрыми или самоотверженными, а потому, что им нечего было терять по сравнению с другими.

Нолан вспомнил человека из прошлого, который сказал однажды: «Смотрите! Мрачный Ходок! Несчастный человек с проклятием на глазах! Тот, кого вечно будут преследовать призраки прошлого в обмен на силу рун! Не жалейте Мрачных Ходоков! Пусть они жертвуют своими несчастными жизнями!»

В этом отношении он не ошибался. Мрачные Ходоки и вправду представляли собой мертвецов, бродящих по этой земле безо всякой цели. Нолану было наплевать, он даже сочувствовал этому человеку. Смерть действительно была целью утратившего все Ходока. Но многим все же хотелось найти какой-то смысл, прежде чем выполнить эту цель.

«Однако у меня сейчас нет на это времени», - он молча закрыл книгу и встал с мрачной решимостью на лице. Ему нужно было узнать больше об этом мире. Он планировал избавить город от преступников. Но на этот раз у него было больше причин остаться в живых.

Мужчину ударили кулаком по носу. У него пошла кровь, и он тяжело оперся рукой о стену. Человек, который ударил его, атаковал еще раз, прежде чем его жертва рухнула без сознания. Нолан взял дневник мужчины и уселся на пол. Открыл и начал читать. Его красные глаза сияли в темноте. Извечный Ястреб. Белки его глаз были серыми, а внутри таилась тьма.

«Как и велел босс, пришлось избавиться от документов. Рыцари делают это, потому что думают, что Портеры пытаются проникнуть внутрь Алисиана. Слышал, они ищут меч или что-то в этом роде. Какой-то артефакт, который когда-то принадлежал старому воину. Портеры хотят забрать меч и вернуть им»

Нолан перевернул страницу. Мысли человека, которого он только что вырубил, излагались сухо, словно отчет.

«С Портерами взаимодействовали Вестники. Пришлось снова передать сообщение для босса. Не могу поверить, что кто-то нацелился на Сынов Гелиоса. Думал, это все слухи, пока не были потеряны три района и не была вырезана половина нашего каравана. Мы неплохо защищены, но, похоже, кое-кто все же осмеливается отслеживать нас. Наверное, заручился поддержкой или Портеры снова замышляют какие-то интриги»

«Портеры?» - подумал Нолан. – «Носильщики? Хм, должно быть, это организация неизвестной фракции»

Он продолжил читать.

«Жена отправилась рожать. Придется вернуться домой через три дня, иначе пропущу рождение ребенка. Интересно, как мне его назвать, если будет мальчик? А если девочка? Понятия не имел, что захочу подобного. Придется бросить эту работу. Босс сказал, что даст мне кредит и позволит занять место в офисе, вместо полевой работы. Хорошо, что я изучал офисное дело»

Сердце Нолана сжалось. Он повернулся к человеку, потерявшему сознание. Он вдруг осознал, что убивал, даже не задумываясь о том, кто именно попадает под его горячую руку. Ему было важно лишь то, что они делают. Если бы Нолан не прочитал этот дневник, то не испытал бы

сочувствия к тому, кого только что вырубил.

«Надеюсь, однажды настанет время отдыха, и ей не придется сражаться. Интересно, родится ли у нас ребенок? Будет ли этот ребенок мальчиком или девочкой? Думаю, мне никогда не узнать...»

Он перелистнул следующую страницу.

«Что ж, это моя последняя работа. Пришлось уладить дело и передать посылку парням. Грохот встревожил меня, ведь Ее Милости не стоит действовать в открытую, это слишком опасно. У этой работы много отвратительных сторон, но я продолжу выполнять ее, если это будет означать, что этот город останется процветающим, и мне не придется иметь дело с войной на границах. Наши войска слишком рассредоточены по территории, не уверен, что они смогут войти в город и навести здесь порядок. Могу ли я действительно считать то, что мы делаем, греховным, если учитывать жизни, которые удалось спасти таким образом? Дети, работающие на этих фабриках, всего лишь нажимают кнопки, а самую тяжелую работу выполняют опытные рабочие. Устают лишь те, кто подменяют других, вышедших из строя. Нашим войскам не хватает оружия, и становится все труднее контролировать поток вооружения с черного рынка. Молодежь жаждет сражений, а нам не хватает хороших, крепких парней, которые выдержали бы тяжелую работу. Я знаю, что с нашей стороны так поступать с ними неправильно. Но если немного жестокости может гарантировать безопасность населения, то я готов на это пойти. Леди сильна в бою, и способна победить даже целое войско, надумай оно вторгнуться к нам, но она всего лишь одна женщина, которая защищает свой дом. Если бы не опустошающая война, если бы не недостаток в еде и угле, мы были бы в безопасности».

«Война... снова это слово. Независимо от того, в каком мире или на какой временной шкале, кажется, что ни один цивилизованный мир не может перестать убивать своих жителей. Черт, это действительно позволяет увидеть вещи в перспективе. Я, как обычно, недалёковиден, но все равно не могу игнорировать детей, которых заставляют тяжело работать. Я знаю, что это разумно. Я понимаю, что этот уклад выглядит вполне логично, но...»

Нолан закрыл дневник и бросил его возле тела мужчины.

- Проснись, - сказал он, похлопав жертву по щекам.

- Ха? - взгляд мужчины начал сосредотачиваться, затем замер. - Ты?!

- Успокойся, и я тебя больше не трону. Я тебя отпущу, если скажешь, где доставленная посылка. Ты же не хочешь бросить своих жену и ребенка одних?

В глазах мужчины загорелась ярость. Но он проглотил эту ярость вместе со своей гордостью.

- Я доставил ее на улицу Лас-Форте. Посылка должна быть в этом убежище. Ищи пакет с красной полосой вокруг, ту, что отмечена розой.

- Понял. Вот, возьми это.

- Почему ты даешь это мне?

- Просто возьми.

- Не буду. Похоже, ты читал мой дневник. Что, теперь симпатизируешь мне? Я думал, что никогда не приду в себя. Некоторые из нас действительно бывают слишком... жестоки и извращены, но это все равно не значит, что у тебя есть право убивать нас. Бьюсь об заклад, ты собираешься возразить мне какой-то чушью в стиле «Я забочусь о детях!». Я знаю, что именно мы делаем. И делая это, мы совершаем огромный грех. Но позволь мне сказать тебе вот что, монстр. Мы не ищем прощения. Мы делаем все необходимое, чтобы выжить в этом мире.

- Я понимаю.

- Ты действительно понимаешь?

Нолан посмотрел мужчине в глаза, прежде чем встать.

- Мне плевать, прав я или нет. Желаю хорошей жизни и постарайся как можно скорее уйти на пенсию. Я бы предпочел, чтобы мне не довелось случайно прикончить тебя или твоих друзей.

Нолан молча вышел из переулка, обратил свой взор к небу и позволил дождю пролиться на обсидиановую маску-череп. Засунул обе руки в карманы и посмотрел на башню, в которой жил. Глаза с Извечным Ястребом вызвали иллюзию, от которой его сердце болезненно сжалось.